

## О ЮРИДИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Освещаются перспективы наказания в виде ограничения свободы. Предложено обсудить вопрос о новом уголовном наказании в виде пребывания в пенитенциарном учреждении один день в неделю.

В соответствии со ст. 43 Уголовного кодекса РФ уголовное наказание заключается «в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод» виновного лица. В этой связи всякое уголовное наказание можно интерпретировать как «лишение или ограничение» того или иного права или свободы гражданина либо целого комплекса прав и свобод. Иными словами, сам термин «ограничение свободы» ничего конкретного не означает, а юридическое содержание и даже облик данного наказания всецело зависят от конкретизации в уголовном (и частично в уголовно-исполнительном) законодательстве тех или иных правоограничений как карательных. Не случайно в разных странах (например, в России, Польше и Казахстане) термином «ограничение свободы» определяются совершенно разные по юридической сущности наказания.

Как известно, вопрос о юридическом содержании и связанных с ним перспективах уголовного наказания в виде ограничения свободы в практической плоскости встал в период разработки новых Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов и сразу же после их принятия. Еще в 1990 г. в Концепции реформы уголовно-исполнительной системы, утвержденной МВД СССР, предусматривалось введение нового вида уголовного наказания – ограничения свободы на основе реорганизации и слияния спецкомендатур и колоний-поселений в «воспитательно-трудовые учреждения» (учреждения открытого типа) с раздельным содержанием в них лиц, осужденных к ограничению свободы по приговору суда, и лиц, которым лишение свободы заменено ограничением свободы. Понятно, что эти вопросы прежде всего должны были быть решены в уголовном законодательстве, поэтому первые проекты УК РФ предусматривали ограничение свободы вместо существующих в то время условного осуждения (освобождения) с обязательным привлечением к труду и отбывания наказания в колониях-поселениях.

Однако впоследствии на фоне кризисного «перестроечного» и «постперестроечного» развития страны отпала социально-экономическая основа условного осуждения (освобождения) с обязательным привлечением к труду, и в 1993 г. эта мера была отменена. Резко сузились возможности привлечения осужденных к труду в колониях-поселениях. Тем не менее интересы «дальнейшей гуманизации» в совокупности с недостаточной согласованностью уголовной и уголовно-исполнительной политики привели к тому, что в новом УК РФ 1996 г. наряду с таким видом лишения свободы, как колония-поселение, появилось наказание в виде ограничения свободы. Основания его назначения и порядок исполнения на девять десятых воспроизводили условное осуж-

дение (освобождение) с обязательным привлечением к труду. Правда, в силу явной нежизнеспособности этой меры введение ее в действие сразу было отсрочено до принятия специального федерального закона РФ «по мере создания необходимых условий для исполнения, но не позднее 2001 года». Аналогичное решение было воспроизведено впоследствии и в Федеральном законе о порядке введения в действие Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Однако «необходимых условий» для введения ограничения свободы в том виде, в каком оно было нормативно закреплено в УК и УИК, так и не появилось. Поэтому 13 декабря 2001 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был принят федеральный закон, по которому наказание в виде ограничения свободы должно быть введено в действие «не позднее 2005 года».

Первоначально планировалось исполнять данную меру наказания в специально созданных учреждениях – исправительных центрах, которые должны были быть построены в каждом крае, области, республике РФ. Ведь согласно ст. 47 УИК осужденные к ограничению свободы должны отбывать это наказание «как правило, в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены».

Между тем экономические расчеты ГУИН показали, что по ценам 2003 г. на это потребуется свыше 20 млрд руб. при федеральном финансировании всего бюджета УИС менее 60 млрд руб. Очевидно, что такие затраты для уголовно-исполнительной системы были и будут явно неподъемными.

С учетом этого обстоятельства ряд ученых и практических работников предложили реорганизовать в «исправительные центры» существующие колонии-поселения. По их мнению, это заметно сократило бы статистику наказания в виде лишения свободы [1].

Практика в настоящее время идет по пути расширения числа колоний-поселений с некоторым увеличением в них числа осужденных. В 1999 г. в уголовно-исполнительной системе России функционировали 154 исправительные колонии-поселения для лиц, совершивших преступление по неосторожности и переведенных из охраняемых колоний в порядке поощрения. Основную часть (32 из 35 тыс.) осужденных в колониях-поселениях составляли последние. В целом в колониях-поселениях в тот период отбывали наказание примерно 5% осужденных.

После изменений ст. 58 УК РФ в марте 2001 г. в колонии-поселения стали направлять также осужденных за умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавших лишения свободы.

Кроме того, в исправительных учреждениях появились изолированные участки с режимом исправительных колоний-поселений.

Указанные новеллы привели к незначительному росту числа колоний-поселений и количества находящихся в них осужденных. По данным Федеральной службы исполнения наказаний, на 1 мая 2004 г. таких учреждений насчитывалось 157, и в них отбывали наказание более 40 тыс. человек, или 6,2% всех осужденных в исправительных колониях. Тем не менее имеющиеся возможности колоний-поселений и ныне задействованы не в полной мере. По официальным данным, фактическое заполнение этих учреждений составляет 61% от их лимита.

Среди осужденных в охраняемых учреждениях, по данным переписи 1999 г., доля осужденных на срок до трех лет включительно составляет немногим более 25%, от трех до пяти лет включительно – свыше 30%.

Если одновременно с реорганизацией колоний-поселений в исправительные центры расширить предусмотренные ч. 2 ст. 53 УК РФ критерии назначения ограничения свободы (например, осуждение впервые за умышленные преступления на срок до пяти лет), то в условиях давления общественного мнения на судебные органы возможен резкий скачок числа осужденных к данному виду наказания. К этому действующая система колоний-поселений явно не готова. Речь идет прежде всего об обеспечении трудовой занятости осужденных в сложных социально-экономических условиях. Не случайно исправительные колонии-поселения ныне не заполнены на 40%, а перевод в колонию-поселение в качестве меры поощрения в силу ч. 3 ст. 78 УИК РФ возможен лишь с письменного согласия самого осужденного.

В этой связи еще в 2000 г. нами высказывалась мысль о возможности перестройки содержания ограничения свободы по так называемому «польскому» варианту: отбывание данного наказания по месту жительства осужденного с возложением на него ряда обязанностей или запретов [2].

В современном Уголовном кодексе Польши 1997 г. наказание ограничением свободы назначается, как правило, на срок не менее одного и не более двенадцати месяцев. Во время отбывания данного наказания осужденный:

- 1) не может без согласия суда менять место постоянного пребывания;
- 2) обязан выполнять работу, указанную судом;
- 3) обязан давать пояснения относительно отбывания наказания (ст. 34 УК Республики Польша).

Обязанность, предусмотренная в п. 2 ст. 34 УК РФ, состоит в выполнении неоплачиваемой контролируемой работы на общественные цели, указанные судом, на соответствующем предприятии, объекте службы здравоохранения, социальной защиты, организации или учреждения, оказывающих благотворительную помощь, или в пользу местной общественности продолжительностью от 20 до 40 часов в месяц. В отношении работающего лица суд вместо бесплатной общественно полезной работы может произвести отчисления от 10 до 25% заработка в пользу государства либо на кон-

кретные (указанные судом) общественные цели. Во время отбывания наказания осужденный не может без согласия суда прекратить трудовые отношения. Самостоятельных уголовных наказаний в виде общественных (обязательных) работ польский УК не знает.

Как видно, наказание в виде ограничения свободы по польскому уголовному праву включает в себя наказание в виде общественных (обязательных) работ либо (как вариант) исправительные работы по месту работы, причем в более суровом варианте, чем в российском УК. Если по УК РФ продолжительность обязательных работ не может превышать для взрослых 240, а для несовершеннолетних – 160 часов, то суммарное количество бесплатных рабочих часов, которые должен отработать осужденный в Польше, может составлять 480 часов. Выше по польскому УК и процент удержаний из заработка осужденного по месту его постоянной оплачиваемой работы: не от 5 до 20%, как в России, а от 10 до 25%.

Помимо этого, назначая наказание в виде ограничения свободы, суд может возложить на осужденного ряд специальных обязанностей, например извиниться перед потерпевшим, воздержаться от употребления алкоголя или иного одурманивающего средства, устранить полностью или частично причиненный вред. Возможна и корректировка судом указанных обязанностей в течение срока наказания. Исполнение наказания в виде ограничения свободы может сопровождаться передачей виновного под надзор куратора или лица, заслуживающего доверия, а также учреждения либо общественной организации.

На наш взгляд, анализируемый опыт законодательного конструирования наказания в виде ограничения свободы особенно интересен тем, что польский законодатель сравнительно четко определяет свою позицию относительно предупредительных, воспитательных, восстановительных сторон данного наказания и сугубо карательных (репрессивных) свойств, которые и составляют его содержание. К последним, очевидно, относится карательное ограничение свободного времени осужденного, лишение или ограничение его права на оплату труда. И это вполне понятно, поскольку, как отмечалось выше, самостоятельных наказаний в виде обязательных или исправительных работ в УК Польши нет.

Что же касается иных обязанностей, возложенных законом на осужденного, то их едва ли можно отнести к содержанию самого наказания в виде ограничения свободы. Хотя они, как и обязанность выполнять указанную судом работу, предусмотрены ст. 34 УК Польши, но по своей сути не могут быть элементами наказания, т.е. преследовать все цели, свойственные последнему, и иметь специфический механизм реализации, связанный с причинением виновному страданий.

Вряд ли можно усматривать непосредственно карательный характер в установленном для осужденного запрете не менять без согласия суда места жительства или в его обязанности давать пояснения относительно отбывания наказания. В ч. 5 ст. 11 УИК РФ закреплена аналогичная обязанность осужденных являться по вызову администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, давать объяснения по

вопросам исполнения требований приговора. Эта обязанность, как и установленная той же ч. 5 ст. 11 УИК возможность осужденного подвергнуться принудительному приводу, относится к сугубо предупредительным или обеспечительным мерам исполнения наказания, не выражая его юридического содержания. Эту обязанность, к примеру, несут и осужденные условно, где нет реального отбывания наказания.

Тем более нельзя отнести к юридическому содержанию «польского варианта» ограничения свободы такие факультативные (возлагаемые судом избирательно) обязанности, как извинение перед потерпевшим либо воздержание от употребления алкоголя или одурманивающих веществ (ст. 72 УК Польши). Сами по себе они несут позитивную, социально одобряемую обществом функцию и при всех обстоятельствах не могут и не должны превращаться законодателем в элементы уголовного наказания, в то, что должно вызывать у осужденного страдания, позорить его в глазах общества. Истории отечественного уголовного законодательства известны случаи, когда наказанием считалось «принуждение к действию, не представляющему физического лишения, например пройти известный курс обучения» (ст. 25 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.) или заглаживание причиненного преступлением вреда (ст. 32 УК РСФСР 1960 г.). Судами они практически не применялись, что свидетельствует в том числе и об их неадекватной оценке законодателем.

Сказанное выше могло бы остаться предметом довольно отвлеченной теоретической дискуссии в области сравнительного правоведения, если бы в последнее время в ряде постсоветских государств, в том числе в России, не проявилось явного стремления к заманчиво простому решению: превратить в наказание в виде ограничения свободы существующее условное осуждение с возлагаемыми на осужденного обязанностями и запретами. Об этом, в частности, говорится в ряде публикаций, в том числе в материалах состоявшейся в Белоруссии в 2003 г. под эгидой ОБСЕ международной конференции [3. С. 38]. В России соответствующий законопроект находится в стадии разработки.

Как известно, в Казахстане законодатель уже пошел по этому пути, приняв в декабре 2002 г. Закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан». Первоначально в Казахстане ограничение свободы в законе строилось, как и в России, и тоже было отсрочено; начиная с 2003 г., ограничение свободы как вид уголовного наказания состоит «в наложении на осужденного судом определенных обязанностей, ограничивающих его свободу», назначается на срок от года до пяти лет и отбывается по месту жительства осужденного под надзором специального органа (ст. 45 УК Республики Казахстан).

Уголовный кодекс Казахстана предусматривает возложение на осужденного судом таких обязанностей, как обязанность не менять постоянного места жительства, работы и учебы без уведомления специализированного органа, не посещать определенные

места, в свободное от учебы и работы время не покидать место жительства, не выезжать в другие местности без разрешения специализированного органа. Судя по редакции ч. 1 ст. 45 УК РК, возложение таких обязанностей является для суда обязательным. Кроме того, факультативно суд может возложить на осужденного и такие «способствующие его исправлению» обязанности, как: пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании, заболеваний, передающихся половым путем, а также осуществлять материальную поддержку семьи.

Уголовно-исполнительный кодекс РК (ст. 46) определяет порядок отбывания наказания в виде ограничения свободы, фактически вторгаясь в содержание этого наказания, причем, порой гораздо шире, нежели это определено в ст. 45 УК РК. Если ст. 45 УК обязывает осужденного не менять постоянного места работы, учебы и жительства без уведомления специального органа, то УИК запрещает изменение места работы, учебы и жительства без разрешения уголовно-исполнительной инспекции. Осужденные должны в течение 24 часов уведомлять инспекцию об изменении графика работы или учебы. Кроме того, они обязаны в свободное от учебы и работы время находиться по месту проживания, а также являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации и проведения воспитательных мероприятий в сроки, установленные инспекцией. Непонятно, однако, почему одновременно запрет выхода за пределы места проживания в выходные и праздничные дни предусмотрен ст. 50 УИК РК как мера взыскания, налагаемая на срок до одного месяца. Наконец, осужденные к ограничению свободы должны «находиться под надзором» и «выполнять режимные требования уголовно-исполнительных инспекций, утвержденные нормативными правовыми актами Министерства юстиции Республики Казахстан». Содержание «режимных требований» в законе РК не раскрывается. Отказ от выполнения законных требований сотрудников уголовно-исполнительных инспекций считается злостным уклонением от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 52 УК РК). Вместе с тем уклонение от исполнения возложенных на осужденного судом обязанностей считается лишь простым нарушением порядка и условий отбывания наказания, да и то в случае, если ранее он подвергался взысканию за аналогичное нарушение (ч. 2 ст. 52 УИК РФ).

Пока трудно судить о реальной применимости рассматриваемого варианта «ограничения свободы», однако все же следовало бы предостеречь российского законодателя от «казахстанского» варианта в стремлении «любой ценой» ввести наказание в виде ограничения свободы. Аналогичное следование по российскому пути, как известно, сослужило и в Казахстане плохую службу. Во всяком случае, необходимо тщательно изучить казахстанский опыт применения нового закона. Кроме того, оставляя в стороне весьма серьезные погрешности в плане законодательной техники (что, без сомнения, осложнит это применение), следует обратить внимание на шаткость методологических позиций в конструировании новой версии наказания в виде ограничения свободы в Республике Казахстан.

Наказание – принудительное возмездное лишение виновного тех или иных жизненных благ, прав и свобод, которое соответствует характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного, направлено на достижение всех целей, установленных в уголовном законе; в его психолого-педагогическом механизме неотъемлемой чертой является преднамеренное причинение виновному страдания. Кроме того, наказание, как и отдельные элементы его содержания, реализуются на основе принципов уголовного права, а отбывание наказания позорит осужденного в глазах общества. Тем самым отдельные элементы содержания наказания выступают своего рода «материальными носителями» той меры осуждения, порицания, которая выражена в обвинительном приговоре суда.

Указанные положения – «ядро» классической теории уголовного наказания. Если не считать имевших место в 60–70-е гг. прошлого века безуспешных попыток расширения содержания наказания за счет включения в него некарательных воспитательных элементов (И.С. Ной и др.), а также столь же неплодотворных попыток растворения наказания в бессодержательных различных по их правовой природе уголовно-правовых «санкциях» (И. Андреев) [4–6], эта теория продолжает оставаться методологической основой построения функционирования и развития института уголовного наказания в отечественном уголовном праве. С таких позиций «быть наказанием» и «соединяться с ним» – очевидно разные вещи. Несколько иной подход закреплен, к примеру, в уголовном праве ФРГ, которое относит к своему предмету так называемую дуалистическую систему правовых последствий преступного деяния: наказание, а также меры исправления и безопасности. Кроме того, в качестве уголовно-правового последствия преступления предусмотрено возмещение вреда [7].

С таких позиций, видимо, следует крайне осторожно отнестись к предложениям разрубить «гордиев узел» проблем ограничения свободы по «казахстанскому» варианту. И не столько потому, что в подобном случае ограничение свободы будет «рекрутировать» своих осужденных не из лишенных свободы, а из ныне осужденных условно с обязанностями, что на реальном лишении свободы практически не скажется. Прежде всего в силу того обстоятельства, что, как предусмотренные ст. 45 УК, ст. 46 УИК РК, так и содержащиеся в ст. 73 УК РФ обязанности и запреты, возлагаемые на осужденных, в подавляющей их части не способны выступать элементами содержания наказания, ибо по социальной природе они не могут и не должны обладать указанными выше репрессивными свойствами. Искусственное придание им таких свойств законодателем существенно обесценит их в глазах общества (что касается, например, обязанности осуществлять поддержку семьи, возместить причиненный вред, поступить на работу, учебу, извиниться перед потерпевшим и т.д.). Иные из указанных выше мер следует расценивать как сугубо предупредительные (запрет посещения определенных мест, запрет употребления алкоголя, наркотических или токсических веществ и т.п.) или направленные на обеспечение надлежащей организации исполнения указан-

ных уголовно-правовых мер (обязательность явки, регистрации, уведомления об изменении места учебы, работы и жительства, а также графика работы, учебы).

Даже законодатель без риска потерпеть фиаско не может превращать в наказание обязанности, ограничения или их элементы, которым карательная функция объективно не может быть присуща. К тому же не следует сбрасывать со счетов такое необходимое условие введения правоограничений, как возможность эффективного контроля за их выполнением.

В этой связи весьма заманчивой представляется попытка введения в республике Казахстан, как элемента ограничения свободы, обязанности осужденного находиться по месту проживания в свободное от работы или учебы время, т.е. своего рода домашний арест (ст. 45 УК, ст. 46 УИК РК). В Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением («Токийских правилах»), домашний арест входит в число мер, рекомендованных в качестве альтернатив лишению свободы (п. «к» ст. 8.2 Токийских правил). Между тем уже признано, что эта мера слишком дорого обходится бюджету в связи с затратами на обеспечение изоляции и контроля за соблюдением таких составляющих его правоограничений, как запрет выхода из жилища, запрет использования средств связи или общения с кем-либо, применение электронных средств контроля, охрана жилища виновного и др. [3. С. 33; 8].

Неудачный законодательный эксперимент такого рода по введению домашнего ареста в России фактически произошел с введением в действие в 2001 г. нового УПК РФ, предусматривающего его в числе мер пресечения. Согласно ст. 107 УПК он заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи.

Практика показала чрезвычайно редкое применение судами этой меры, и прежде всего в силу невозможности должным образом проконтролировать ее исполнение. Как ни парадоксально, но с этой точки зрения надлежащее осуществление домашнего ареста как меры пресечения или элемента наказания оказывается едва ли не более сложным и затратным, нежели аналогичный срок содержания под стражей.

В чем же тогда может состоять собственное юридическое содержание уголовного наказания в виде ограничения свободы? Думается, этот вопрос должен стать предметом обсуждения законодателей, судей, практических работников, научной общественности.

«Казахстанский» вариант для России едва ли приемлем в силу отмеченных обстоятельств. Для следования по «польскому» пути необходимо упразднить обязательные работы и исправительные работы как самостоятельные наказания, превратив их в элементы ограничения свободы. Но это потребует коренной ломки всей системы наказаний.

В порядке обсуждения можно попытаться рекомендовать и «российский» вариант ограничения свободы как реального наказания, соединяемого с некарательными воспитательно-предупредительными мера-

ми. Последние можно перевести из условного осуждения, модифицировав их и соединяя с реальным отбыванием наказания.

Для установления конкретного (помимо порицания) карательного содержания наказания в виде ограничения свободы, снова обратимся к «Токийским правилам». В них имеется целый спектр различных по природе мер, именуемых в широком смысле «санкциями». Среди них – мера, репрессивное значение которой очевидно: «направление в исправительное учреждение с обязательным ежедневным присутствием (п. «i» ст. 8.2 “Токийских правил”»)). Отметим, что такой или аналогичный ему вид обращения находится в числе альтернатив тюремному заключению (или лишению свободы в целом), несмотря на то, что он предполагает помещение осужденного в исправительное учреждение. По нашему мнению, проблема в эпизодичности (дискретности, прерывности) подобной меры, которая при ее осуществлении не деформирует образ жизни осужденного столь широко, как это происходит при непрерывном содержании в учреждении, пусть даже полуоткрытого типа. Тем не менее репрессивная роль такой меры вполне очевидна, в особенности для российского менталитета, которому в значительной мере свойствен исторически сложившийся «лагерный синдром».

Поскольку «Токийские правила» призывают «поощрять разработку новых мер, не связанных с тюремным заключением (ст. 2.4)», рискнем предложить такой возможный карательный элемент наказания в виде ограничения свободы, как дневное заключение виновного по выходным либо в иной день, определяемый судом. Помимо этого, к осужденному могли бы применяться воспитательно-предупредительные обязан-

ности или запреты, аналогичные установленным в ст. 73 УК или ранее – в ст. 41 УИК РФ.

Речь, разумеется, не идет о направлении осужденного в исправительную колонию с содержанием среди осужденных к лишению свободы. Необходимо камерное размещение, максимально ограничивающее межкриминальные контакты.

Для этого, конечно, должны максимально использоваться возможности СИЗО как учреждений УИС. Однако отдаленность большинства из них едва ли позволит реализовать принцип «дискретности» (прерывности) заключения как элемента ограничения свободы. Не исключается использование существующих и вновь образуемых ПФРТ и ПФРСИ охраняемых колоний. Наконец, на наш взгляд, для таких целей вполне пригодны и изоляторы временного содержания (ИВС) местных органов внутренних дел (даже возможное их расширение не будет столь затратным, как строительство арестных домов или исправительных центров). Дело в том, что ИВС как структурные подразделения территориальных, городских, районных органов внутренних дел по расположению наиболее «близки к народу». Тем самым сохраняется возможность самостоятельного прибытия и убытия осужденного в течение суток. Существующие в данном случае межведомственные барьеры при желании вполне могут быть преодолены. Ведь до сих пор большинство уголовно-исполнительных инспекций сравнительно благополучно располагается на территории городских, районных отделов милиции.

На первый взгляд, такая рекомендация неприемлема. Но, как известно, всякая истина проходит путь «от ереси до предрассудка».

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Горбцов В.И. Правовые и организационные аспекты исполнения наказания в колониях-поселениях. Красноярск, 2004.
2. Уткин В.А. Перспективы уголовного наказания в виде ограничения свободы // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2000. Вып. 6. С. 29–31.
3. Альтернативы лишению свободы в системе уголовного правосудия Республики Беларусь: Практика и перспективы. Минск, 2003.
4. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976.
5. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967.
6. Ременсон А.Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск, 2003.
7. Щедрин Н.В. Меры безопасности в уголовном праве Германии // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2001. Вып. 6. С. 3–4.
8. Система электронного наблюдения за досрочно освобожденными: Оценка действующих программ. М.: Penal Reform International, 2002. С. 42–43.

Статья поступила в научную редакцию «Юридические науки» 19 ноября 2005 г.